

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Дорога в Буэнос-Айрес

История подготовки Первой конференции компартий Латинской Америки

В статье анализируется подготовка первого общеконтинентального мероприятия Коминтерна в Латинской Америке, показаны сложности его организации. Проанализированы далеко не однозначные промежуточные итоги деятельности III Интернационала в регионе.

Ключевые слова: Коминтерн, первая конференция компартий Латинской Америки, Ж.Эмбер-Дро, В.Кодовилья.

В 2014 г. исполняется 85 лет с момента проведения Первой конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе (июнь 1929 г.), справедливо расцениваемой в историографии как одно из самых удачных мероприятий Коммунистического интернационала (Коминтерна, III Интернационала) в Западном полушарии¹. Ее участник, видный аргентинский коммунист Паулино Гонсалес Альберди² отметил целый ряд характеристик, обеспечивших «положительное сальдо» конференции, ставшей первым и самым представительным региональным мероприятием Коминтерна, проведенным непосредственно в Латинской Америке. Удалось расширить связи между левыми партиями и наладить обмен опытом. Форум впервые рассмотрел широкий круг проблем, стоявших перед революционным движением³. Буэнос-айресская конференция расценивалась в марксистской литературе как образец новой, посткоминтерновской и посткоминформовской, формы интернационального сотрудничества в области теоретической деятельности и как предшественница международных и региональных совещаний коммунистических и рабочих партий⁴.

Сопоставление ранее опубликованных материалов Первой конференции и документов Архива Коминтерна позволяет исследователям принципиально по-новому оценить события 1929 г., подвергнуть давно известные

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории Санкт-Петербургского государственного университета; Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

факты и оценки анализу, разрушающему сложившиеся в исторической науке стереотипы. По сути, на протяжении десятилетий подготовительная работа к конференции всерьез не анализировалась ввиду отсутствия доступных источников. Сейчас появилась возможность заполнить данную историческую лакуну.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛАНА ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ И НАЧАЛО ЕЕ ПОДГОТОВКИ

Идея проведения континентальной конференции компартий, возникшая в Коминтерне еще в 1919 г., долго не могла быть реализована, но никогда не исчезала из умов руководителей Исполкома Коминтерна (ИККИ), курировавших латиноамериканское направление. Неудивительно, что после последовавшей за расколом в Коммунистической партии Аргентины (Partido Comunista de Argentina, PCA) реорганизации Южноамериканского Секретариата Коминтерна, ЮАСКИ (Secretariado Sudamericano de la Internacional Comunista, SSAIC), тот предложил созвать континентальную конференцию в Москве накануне VI конгресса. Но форум латиноамериканских коммунистов перенесли на время проведения собственно конгресса, мотивировав это невозможностью обеспечить «хорошие делегации» из Аргентины и Чили, тем, что часть проблем революционного движения Латинской Америки уже была обсуждена с коммунистами-делегатами конгресса Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) и, наконец, — невозможностью технически подготовить резолюции, принятые по итогам состоявшихся бесед⁵. Окончательное решение увязало время проведения конференции компартий с запланированным континентальным профсоюзным конгрессом⁶. Репрезентативность подобного мероприятия напрямую зависела бы от усилий ЮАСКИ, которому поручалось сформировать профсоюзные делегации так, чтобы в их составе оказались подготовленные и опытные руководители компартий (для перестраховки Политсекретариат ИККИ хотел получить раскладку по делегациям заранее).

Уже на учредительном заседании обновленного ЮАСКИ (29 июня — 2 июля 1928 г.) его новый руководитель Викторио Кодовилья проинформировал об этой задаче и необходимости направить в Москву проекты резолюций и повестку дня конференции — для их корректировки Президиумом Коминтерна. Политическая подготовка конференции поручалась комиссии в составе аргентинцев Кодовильи и Родольфо Гиольди, а также бразильца Астрожилду Перейры. Южноамериканский Секретариат попытался сразу связаться с потенциальными участниками мероприятия, однако многие адресаты фактически проигнорировали запрос. Неспешные темпы работы партий (в том числе столь важной, как Рабочая (Коммунистическая) партия Америки (Workers' (Communist) Party of America, W(C)PA) сохранялись и в дальнейшем, несмотря на усилия Секретариата, неоднократно требовавшего от коммунистов полушария не оставаться пассивными реципиентами информации, а активно участвовать в организации конференции, назначать содокладчиков по всем темам дискуссий⁷.

В начале октября 1928 г. ЮАСКИ разработал предварительный перечень проблем для обсуждения на конференции и разработки базы собственной деятельности по объединению и укреплению революционного, ан-

тиимпериалистического движения континента⁸. Наиболее актуальными для дискуссии Секретариат считал следующие вопросы: международная обстановка, угроза войны и страны Латинской Америки; антиимпериалистическая борьба и проблемы тактики латиноамериканских компартий (характер революции, блок рабочих и крестьян, союзники пролетариата); крестьянский вопрос; расовая проблема в Латинской Америке; деятельность Антиимпериалистической лиги (*Ligue contre l'impérialisme et l'oppression coloniale*); профсоюзный вопрос; работа ЮАСКИ. В качестве основных докладчиков предполагались члены Секретариата Викторио Кодовилья, Родольфо Гиольди и его брат Орестес, Астрожилду Перейра, уругваец Эухенио Гомес. Планировалось широкое участие партий в подготовке конференции: компартия Мексики (*Partido Comunista de México, PCM*) должна была подготовить шесть докладов; компартии Чили и Бразилии (*Partido Comunista de Chile, PCCh; Partido Comunista do Brasil, PCB*) — по три; ПСА — четыре; по одному — компартии Колумбии, Эквадора, Перу, Кубы, Уругвая (*Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSR; Partido Socialista del Perú, PSP; Partido Comunista de Uruguay, PCU; Partido Comunista de Ecuador, PCE; Partido Comunista de Cuba, PCC*). Все доклады должны были базироваться на практическом опыте в конкретных сферах⁹.

Проект временной повестки дня конференции с указанием планируемых докладчиков Секретариат направил в Москву, не дожидаясь окончательных результатов подготовки. Южноамериканское представительство III Интернационала планировало публикацию брошюр по колониальному вопросу, о Латинской Америке, об опасности империалистической войны, статей Ленина по вопросу о колониях и войне. В журнале ЮАСКИ «*La Correspondencia Sudamericana*» была выделена специальная страница для обсуждения латиноамериканской тематики. Кодовилья указал Коминтерну на опасность фактического самоустранения руководства ИККИ от деталей подготовки латиноамериканской конференции и полного переключивания ее организации на плечи ЮАСКИ («Хотя Коминтерн осознал значение Латинской Америки, необходимо «завоевать» наши страны на базе коммунистической литературы. Помните об этом!») и предупреждал, что назначенное Москвой на май 1929 г. мероприятие останется грандиозным проектом с минимальным эффектом, если штаб-квартира III Интернационала не примет самого активного участия в его подготовке путем направления «прямой делегации Коминтерна»¹⁰.

Фактически полномасштабная подготовка началась только зимой и весной 1929 г. На состоявшемся в марте заседании ЮАСКИ эта тема стала центральной¹¹. Расширение масштабов оргработы было в значительной степени связано с тем, что Буэнос-Айресу удалось, наконец, наладить регулярные контакты с новой структурой ИККИ — Латиноамериканским лендер-секретариатом, который начал тщательно исследовать проблемы коммунистического движения континента.

Анализ, сделанный со стороны, временами оказывался объективнее подхода самих латиноамериканских коммунистов к проблемам своего континента. Так, ЮАСКИ получил рекомендацию из Москвы добавить в повестку дня обсуждение расового вопроса (проблемы индейцев; ранее планировалось рассматривать эту проблему в качестве подпункта крестьянского вопроса). Проблемы интеграции коренных народов в социально-экономи-

ческие реалии своих стран и возможности их равноправного участия в политической жизни по-настоящему не решены и сегодня, тем более можно представить, насколько остро стоял данный вопрос десятки лет назад. Конечно, при рассмотрении ситуации в различных странах Коминтерн действовал механически: обсуждать расовую проблему одновременно предлагалось как коммунистам Западного полушария, так и африканским, и азиатским членам Интернационала. Однако сам факт такой поправки подтолкнул членов ЮАСКИ к поиску в нужном направлении и Кодовилья, вспомнив о состоявшихся к тому времени в Буэнос-Айресе беседах с представителями Боливии, смог оценить важность расового вопроса для континента. Вслед за ним и делегат ИККИ в ЮАСКИ итальянец Эджидио Дженнари указал на возможность обсудить положение негров в Бразилии. В итоге дискуссия по проблеме рас в Латинской Америке была утверждена четвертым пунктом повестки дня.

К середине марта (за три месяца до запланированной даты конференции!) ЮАСКИ так и не удалось добиться от партий реального сотрудничества в подготовке форума: мало кто прислал затребованные доклады, секции Коминтерна проигнорировали резолюции Секретариата о сотрудничестве в «*La Correspondencia Sudamericana*». Не выполнила свои обязательства в области политической подготовки конференции РСС. Коммунисты Эквадора и Перу ограничились подтверждением готовности направить делегатов. Да и сами члены ЮАСКИ оказались не на высоте: А.Перейра предлагал подготовить доклад, но его отъезд в Европу поставил крест на этой идее; докладчик по профсоюзному вопросу Эухенио Гомес не завершил в срок разработку выступления. Осознавая, что практическая работа по-прежнему окажется задачей членов ЮАСКИ, находившихся в Буэнос-Айресе, Кодовилья начинает их торопить. После утверждения новой повестки дня¹² он настоял на установлении крайнего срока представления текстов для предварительного обсуждения в Секретариате (конец апреля). Учитывая скверную работу международной почты и огромные расстояния, разделявшие ЮАСКИ и, например, Кубу и Мексику, откуда должны были представлены несколько докладов и содокладов, времени оказывалось крайне мало.

Кодовилья планировал провести конференцию легально с целью привлечь делегатов к агитационной кампании вокруг событий, происходящих в их странах. Секретарь ЮАСКИ — как опытный аппаратчик — отдавал себе отчет, что многие делегаты прибудут под своими фамилиями и немедленно будут идентифицированы полицией. После этого любая попытка организовать массовое подпольное мероприятие оказалась бы предлогом для раскрытия «коммунистического заговора».

1 марта 1929 г. руководство ИККИ обсудило проект тезисов о Латинской Америке, предложенный руководителем Латиноамериканского секретариата швейцарцем Жюлем Эмбером-Дро*, постановив опубликовать его от имени Президиума в качестве основы для обсуждения в партиях, и после дискуссии принять на заседании Президиума или Пленуме ИККИ¹³.

Член исполнительного комитета Коминтерна. Отвечал за связь с романскими странами. В 1928 г. за поддержку Н.И.Бухарина и правой оппозиции в ВКП(б) был выведен из руководства III Интернационала и переведен исключительно на латиноамериканское направление.

В Москве с самого начала ожидали успеха континентальной конференции. Слишком долго мировая компартия шла к этому событию, чтоб предполагать нечто иное. Предполагалось, что конференции в Монтевидео и Буэнос-Айресе будут важным рубежом в развитии революционного движения. Профсоюзный форум в Монтевидео должен был конституировать Латиноамериканскую профсоюзную конфедерацию (Confederación Sindical Latinoamericana, CSLA) с целью объединения сторонников революционной классовой борьбы и противостояния работе Амстердамского Интернационала, Панамериканской федерации труда (Panamerican Federation of Labour, PAFL) и анархо-синдикалистов. Необходимость проведения континентальной коммунистической конференции объяснялась возрастающей ролью Латинской Америки как поля соперничества различных империалистических держав и антиимпериалистического движения мирового значения. Свидетельствами высокого уровня этого движения III Интернационал считал мексиканскую революцию, антиимпериалистическую борьбу в Никарагуа под руководством Аугусто Сесара Сандино, развитие мощного рабочего движения в Колумбии, подготовку новых революционных условий в Бразилии, создание компартий в различных латиноамериканских странах. После VI конгресса возникла необходимость углубить изучение основного вопроса: характер, разновидности и формы революции в Латинской Америке. Решение этой задачи должно было стать основой деятельности ЮАСКИ по объединению и превращению революционного и антиимпериалистического движения континента в однородное¹⁴. Конференции предстояло стать первым и главным этапом дискуссии по тезисам о Латинской Америке, предложенным ИККИ, являвшимся, по самокритичной оценке их автора Ж.Эмбера-Дро, только базой для обсуждения проблем революционного движения.

Важным обстоятельством, способным осложнить проведение этих мероприятий, были серьезные противоречия между компартиями Мексики и Аргентины, связанные в первую очередь с деятельностью ЮАСКИ. Кодовилья настаивал на необходимости **восстановить** нормальные связи между РСМ и Секретариатом, обвиняя мексиканскую партию в саботаже организации континентальной конференции¹⁵. По отношению к антиимпериалистической работе обвинения Кодовильи шли еще дальше. Он считал, что она у «мексиканских товарищей была направлена **против аргентинской партии** (выделено авторами. — В.Х., Л.Х.) вместо того, чтобы действовать вместе с коммунистами». Так, например, Густаво Мачадо, вернувшийся из лагеря Сандино, не информировал ЮАСКИ о результатах поездки, не связался с Антиимпериалистической лигой, ориентировавшейся на РСА, но вошел в контакт с бывшим депутатом-социалистом Пересом Лейросом. Публикации члена Континентального комитета Всеамериканской антиимпериалистической лиги (ВААИЛ) Хорхе Паса о сандинистском движении в газете «Crítica» Кодовилья охарактеризовал как антипартийные. Кроме того, он резко осудил продолжение отношений ВААИЛ с чиспистской лигой¹⁶, несмотря на сообщение ЮАСКИ о том, что «единственной Антиимпериалистической Лигой в Аргентине была «Левая группа», а «чиспистская лига являлась маленьким контрреволюционным центром, чья единственная задача состояла в борьбе против партии»¹⁷. Секретарь ЮАСКИ в очередной раз продемонстрировал, при молчаливом согла-

сии представителя Коминтерна, сектантский взгляд на Лигу, требуя от Континентального комитета ориентации на коммунистический сектор антиимпериалистического движения и игнорирования возможностей сотрудничества с представителями антиимпериалистических организаций, не контролируемых компартиями.

Предвидя усиление противоречий между РСА и РСМ в связи с проведением конференций далеко от Москвы и считая, что покончить с этим может только авторитет ИККИ, Эмбер-Дро предлагал направить представителей штаб-квартиры III Интернационала для обеспечения «[должного] политического проведения конференции и разрешения внутренних конфликтов». Эти эмиссары должны были обладать достаточными полномочиями и хорошо разбираться в перипетиях левого движения Южной Америки¹⁸. На приезде «прямой делегации Коминтерна» и ее активном участии в дискуссии в духе обсуждения латиноамериканских вопросов на VI конгрессе настаивал и ЮАСКИ.

Уровень представительства Москвы приобретал чрезвычайно важное значение для успешного проведения конференций в Монтевидео и Буэнос-Айресе, особенно после того как Политбюро ЦК ВКП(б) отвергло предложение о поездке в Монтевидео генерального секретаря Профинтерна Соломона Абрамовича Лозовского, решив направить вместо него заведующего секцией Восточных стран Льва Наумовича Геллера¹⁹. Основной причиной отказа в заокеанской командировке Лозовскому была нецелесообразность длительного его отсутствия в Москве²⁰, хотя нельзя сбрасывать со счетов и другой мотив — опасение возможности международного скандала в случае ареста за рубежом хорошо известным спецслужбам Лозовского.

Руководство ВКП(б) не приняло во внимание мотивы Подготовительного комитета конгресса в Монтевидео, рассчитывавшего на большой эффект от приезда «на свадьбу» [конгресс] самого «дяди Александра» [Лозовского]²¹. Его присутствие могло оказать благотворное влияние на решение многих сложных проблем, возникавших в связи с проведением столь масштабного и значимого для судеб континентального революционного движения мероприятия. К их числу относилось решение аргентинского профобъединения *Federación Regional Obrera Argentina* (FORA), создавшего до конгресса сторонников Профинтерна параллельный континентальный профсоюзный форум в Буэнос-Айресе с целью создать Конфедерацию анархистских профсоюзов. Это предложение поддержала мексиканская *Confederación General de Trabajadores* (CGT). Инициативу FORA и в Моск-

Жюль Эмбер-Дро

ве, и в Монтевидео расценили как смешную, считая, что анархистский конгресс не сможет превратиться в серьезную силу. Но и не считаться с ней Профинтерн не мог, так как некоторые рабочие организации (к примеру, IV Национальный Рабочий конгресс в Колумбии и CGT) решили послать делегатов и в Монтевидео, и в Буэнос-Айрес. Латиноамериканская секция Профинтерна потребовала от лидеров CGT определиться: если они за единство, то пусть откажутся от участия в конгрессе анархистов, направив при этом делегацию в Монтевидео²².

Участие Лозовского в конгрессе могло, по мнению Подготовительного комитета, повлиять и на колеблющееся руководство Профсоюзного объединения Аргентины (Unión Sindical Argentina, USA). Отказ USA участвовать в конгрессе Монтевидео мог вызвать эффект домино, превратив мероприятие в собрание делегатов «меньшинств», твердо стоящих на позициях Профинтерна, с участием нескольких наиболее крупных независимых союзов²³. В конечном итоге так и случилось: слишком решительный настрой по отношению к «раскольникам» и «оппортунистам» привел к отказу от участия в конгрессе представителей и USA, и CGT, и ряда других профобъединений.

Сообщение о приезде вместо Лозовского «другого дяди [Л.Геллера], знакомого со всеми этими проблемами и снабженного указаниями», оказалось для организаторов конгресса холодным душем. Они ждали человека, способного на месте решать сложные проблемы, символизирующего представительство высшей иерархии Коминтерна и Профинтерна, а им посылали высокопоставленного профсоюзного бюрократа, который мог лишь ретранслировать идеи московского руководства. Доводы о том, что «другой дядя, известный восточных и колониальных дел мастер», лучше знает конкретику Латинской Америки и сможет оказать необходимое содействие, вряд ли могли компенсировать моральные и организационные потери от несостоявшегося приезда Лозовского людям, которые, по его оценке, «взбулгачили весь континент» из Монтевидео, подготовив создание серьезной организации, стремившейся к объединению лучших элементов рабочего движения²⁴.

Учитывая невозможность поездки Лозовского, Эмбер-Дро просил Малую Комиссию Секретариата ИККИ направить его на конференции в Монтевидео и Буэнос-Айрес, а впоследствии решить, должен ли он будет вернуться в Москву или остаться в Латинской Америке на 6 месяцев или на год²⁵. Опальный швейцарец особо подчеркнул свою лояльность линии Коминтерна, которую, по его мнению, он доказал после освобождения от работы в Секретариате и Президиуме ИККИ, там, куда его направили: в Антифашистском конгрессе и Латиноамериканском Секретариате. Отметив наличие разногласий с большинством Президиума ИККИ по теоретическим вопросам, «которые бесконечно менее глубоки, чем то, что я читаю в полемических статьях против меня... а также то, что «никоим образом участия в общей работе по руководству Коммунистическим Интернационалом» не принимает, Эмбер-Дро обратил внимание ИККИ на трудности руководства латиноамериканскими делами из Москвы и признал свою работу в Политсекретариате бесполезной в сложившихся условиях. В связи с этим он считал, что его силы могли быть «лучше использованы в самой Латинской Америке», и просил направить его туда на постоянную работу, начав ее с участия в конференциях в Монтевидео и Буэнос-Айресе. При этом он

гарантировал соблюдение всех решений руководства: «Моя деятельность на службе Интернационалу в течение 10 лет не дает оснований для малейших сомнений по этому поводу»²⁶. Эмбер-Дро просился на работу в Латинскую Америку без всякого кокетства. Был ли он согласен или не согласен с наказанием, но принял его как бывший толстовец со смирением и готов был работать там, где мог принести реальную пользу. Латиноамериканские дела он знал хоть и издалека, но давно и настолько хорошо, насколько это было возможно в аппарате Коминтерна. Его многолетняя работа начинала, как ему казалось, приносить плоды. Конференция в Буэнос-Айресе должна была стать ее кульминацией: ее успехом можно было заслужить прощение или, наконец, пересидеть вдали от начинавшихся зачисток ИККИ.

Неопределенность в вопросе о персональном составе делегаций Коминтерна и Профинтерна в значительной мере тормозили подготовку конференции, и Эмбер-Дро писал в Буэнос-Айрес, что в случае отклонения идеи о его поездке Латиноамериканский лендер-секретариат вышлет подробные инструкции по ее проведению. Таким образом, можно придти к выводу и о рассматривавшейся возможности руководства конференцией дистанционно, без прямого участия представителей высшего руководства Коминтерна²⁷.

Малая Комиссия ИККИ согласилась с доводами Эмбера-Дро и направила его в заокеанскую командировку. Люди, знающие расклад сил в высших эшелонах власти Коминтерна, понимали, что в сложившейся ситуации статус Эмбера-Дро резко снизился. Не зря Лозовский писал в Монтевидео, о том, что «оба приезжих [Эмбер-Дро и Геллер] заменят меня». Дело здесь было не в арифметическом сложении, а в том, что заменить Лозовского один Эмбер-Дро, или один Геллер не могли в силу своего положения в московской иерархии²⁸. Длительная поездка явно рассматривалась некоторыми руководящими работниками Коминтерна как некий вид «исправительных работ» для попавшего в сталинскую опалу швейцарца. На это в несколько завуалированной форме ему при инструктаже указал секретарь ИККИ Дмитрий Захарович Мануильский. Высказав мнение о возможности возвращения в руководство ИККИ, он заявил: «Вы предпринимаете прекрасное путешествие и увидите много других проблем, и будете иметь возможность подумать о ситуации в Интернационале, и я совершенно уверен, что когда Вы вернетесь, все наладится»²⁹.

Сам Эмбер-Дро имел веские основания не разделять оптимизм Мануильского. Немедленно после его отъезда из Москвы Политсекретариат ИККИ произвел аппаратную рокировку, назначив на работу в Латиноамериканский секретариат Бориса Даниловича Михайлова (Вильямса) вместо Григория Ивановича Петровского³⁰. Смена одного комиссара от ВКП(б) на другого может быть и не задела бы Эмбера-Дро, если бы он находился в Москве. Но эта рокировка, предпринятая в его отсутствие, наводила на мысль об изменении политики, о чем он немедленно написал Д.З. Мануильскому из Берлина: «Вильямс был всегда и почти во всех вопросах американских партий в оппозиции к политике, которую я до сих пор проводил в согласии с Президиумом, <...> не могу объяснить подобные меры иначе, как желанием удалить меня от политической работы в Латинской Америке в будущем»³¹.

В случае со швейцарцем выбор места изгнания был естественным: он много лет занимался латиноамериканскими проблемами, хорошо знал си-

туацию и людей, и мог со знанием дела участвовать в решении задач, поставленных Коминтерном перед континентальным коммунистическим движением. Его позиция по вопросам стратегии и тактики компартий не расходилась с генеральной линией руководства III Интернационала: по сути она им и была разработана. Но с этого момента Латинская Америка стала политическим отстойником и для других коминтерновских оппозиционеров: вскоре на работу в Южноамериканское бюро будет направлен «левый» Август Яковлевич Гуральский, а затем — «примиренец» Артур Эверт. Почему Латинская Америка? Был ли это случайный выбор большевистского руководства или продуманное решение, основанное на желании дать возможность еретикам исправиться на периферии мирового коммунистического движения? Может быть, вероятные издержки от их «неправильного» поведения в Новом Свете считались не столь значимыми для мировой революции, как скажем в Китае или Европе, несмотря на всю риторику деклараций VI конгресса «о втором открытии» континента? Однозначного ответа на эти вопросы нет: логика подсказывает, что именно так и было, но документы молчат³².

ПЕРИПЕТИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЛЕГАЦИЙ

Изначально возможности коммунистической конференции были ограничены самим Коминтерном, принявшим решение о необходимости использовать для участия в ней делегатов профсоюзного конгресса и о специальном выделении по одному члену Центрального комитета от каждой партии, который на деле представлял бы руководство. Очевидно, что это делалось в целях экономии средств на организацию партийного и профсоюзного форумов. Кодовилья настаивал на включение в профсоюзные делегации «самых высокопоставленных членов» Центральных комитетов — «в меру возможного — ибо, в конце концов, в делегациях окажется коммунистическое большинство по той простой причине, что профсоюзы находятся под руководством наших товарищей. Почему же тогда не включить в делегации ответственных партийных товарищей?»³³. Секретарь ЮАСКИ не считал нужным скрывать то, что для многих в рабочем движении являлось «секретом Полишинеля». Но так не думали в Профинтерне и его представительстве в Монтевидео, настаивая на букве московского постановления: делегатами должны были стать только коммунисты, *непосредственно* участвовавшие в профсоюзном движении, ведь им предстояло избираться в профсоюзных центрах с соблюдением демократической процедуры. Таким образом, организационно-финансовые рамки практически свели на нет возможность реализовать основную цель коммунистической конференции — осмыслить сложные теоретические проблемы революционного движения континента и заложить основы Федерации коммунистических партий Латинской Америки. Повторилась ситуация VI конгресса: многих ярких лидеров и теоретиков коммунистического движения континента на конференции не было.

Обеспечению высокого уровня представительства компартий препятствовали и другие обстоятельства. Из-за болезни в работе форума не участвовали первоначально заявленные как докладчики перуанец Хосе Карлос Мариатеги и аргентинец Родольфо Гиольди. И хотя тезисы сообщений ли-

дера перуанских коммунистов были представлены конференции, делегаты PSP не смогли отстоять его позицию в ходе полемики, так, как это наверняка сделал бы сам «Амаута»³⁴. Не смог выехать в Буэнос-Айрес и Риккардо Мартинес де ла Торре, рассматривавшийся в ЮАСКИ как дублер Мариатеги в дискуссиях по национальному и антиимпериалистическому вопросу. В Москву для участия в X пленуме ИККИ был вызван Перейра, заявленный как докладчик по крестьянскому вопросу. Из-за репрессий в Буэнос-Айрес не попала делегация РССЧ во главе с Элиасом Лафферте³⁵. Был арестован руководитель PSR Томас Урибе, избранный делегатом конференции на заседании ЦИК³⁶.

Руководство РСС в мае 1929 г. назначило делегатами на конференцию Хорхе Виво и Сандалио Хунко. Важным условием при подборе кандидатов для поездки была возможность вернуться на Кубу. Для Хунко и Алехандро Баррейро, выбранного делегатом профсоюзного конгресса, приезд на родину был практически исключен, для Виво же в партии такую возможность видели. Но организации, в которых он работал, категорически возражали против его отъезда, считая крайне полезной его деятельность в Мексике. Возникло и другое непреодолимое препятствие: международная компартия вовремя не выделила денег на поездку кубинских делегатов³⁷. Таким образом, Виво, которого в течение короткого времени три организации, ориентировавшиеся на Коминтерн, сочли достойным представлять их интересы, не смог участвовать в обсуждении проблем латиноамериканского революционного движения на крупнейших международных форумах³⁸.

Некоторые делегаты не попали в Буэнос-Айрес из-за препятствий, как считали в их партиях, чинившихся секретарем ЮАСКИ. В эквадорской партии о созыве конференции узнали из публикаций ЮАСКИ, не получив, по их словам, сообщений от Кодовильи³⁹. Тем не менее PSE делегировала Риккардо Паредеса и Альберто Араухо на профсоюзный конгресс с мандатом на участие в партийном форуме; однако член Латиноамериканского профсоюзного секретариата и генеральный секретарь PSE Р. Паредес ни в Монтевидео, ни в Буэнос-Айрес не попал. В Кито считали, что их партия даже не приглашена на конференцию. И хотя формально это было не так, фактически ЮАСКИ свел на нет представительство эквадорской партии, дав основание для утверждения о том, что Южноамериканский Секретариат «абсолютно забыл о PSE»⁴⁰.

Предпринимались судорожные попытки расширить представительство на коммунистической конференции за счет делегатов профсоюзного конгресса. Кодовилья во время встречи с посланцами Перу в Монтевидео предложил, «если появится какой-либо товарищ из группы Мариатеги», назначить делегацию для участия в буэнос-айресской конференции, спрашивая Хулио Портокарреро, считает ли тот возможным «включение помимо него товарищей Диаса, Роблеса и Аранды». То, что они не принадлежали к группе «Амаута», и даже не знали об ее существовании как «политической организации», не смутило Эмбер-Дро, предложившего участникам беседы высказаться по поводу желательности «их включения в нашу группу и приглашения на конференцию»⁴¹. И только твердая позиция Портокарреро не позволила расширить делегацию за счет людей, не представлявших коммунистическую группу.

Очень немногие делегаты континентального форума участвовали в заседании VI конгресса Коминтерна. С одной стороны, это было достоинством: опыт работы на международном коммунистическом форуме получали новые партийные активисты. С другой — свидетельствовало об отсутствии преемственности: у большинства не было навыков обсуждения важных теоретических вопросов и знаний сути дискуссий, проходивших на всемирном конгрессе. Серьезным недостатком было то, что часть делегатов давно находилась вне своих стран, не имея достоверной информации о ситуации в партии, инструкций от ЦК и возможности довести до них решения конференции. Вышесказанное не умаляет достоинств делегатов, среди которых были неординарные личности, например, боливец Хосе Антонио Арсе, колумбиец Мойсес Прието, мексиканец Давид Альфаро Сикейрос, кубинец Сандалио Хунко. Однако общий уровень обсуждения сложных вопросов стратегии и тактики коммунистического движения континента снижался. Но даже степень осведомленности в партийных делах опытных товарищей не устраивала эмиссара Москвы, указавшего, например, на невозможность подробно изучить положение в Мексике, потому что в «качестве единственного представителя мы имели Сикейроса и другого товарища, который еще менее, чем Сикейрос, был в курсе партийных дел»⁴².

По количественным показателям конференция стала наиболее представительной встречей коммунистов континента. Согласно официальным данным, опубликованным в стенографическом отчете конференции и журнале «La Correspondencia Sudamericana», в ней участвовали 38 делегатов от 14 компартий и групп (Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Кубы, Мексики, Панама, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая, Эквадора), представители Коминтерна, Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), комфракции Профинтерна, компартий США и Франции, ЮАСКИ и ЮАС КИМ. По социальному составу делегаты делились следующим образом: рабочих — 51%, крестьян — 11%, торговых служащих — 9%, лиц свободных профессий — 10%, партийных работников, относящихся к различным социальным слоям — 19%⁴³.

Полной картины состава участников конференции не удастся составить до сих пор. Количество членов делегаций было объявлено в ее документах, но полный их список не приводился. Частично информация о представителях партий содержится в материалах конференции, воспоминаниях, но неизвестны фамилии и псевдонимы части делегатов, так как в опубликованных документах указаны сведения только о выступавших. Не все псевдонимы еще раскрыты. Это приводит к путанице: представителем Коминтерна «Луисом» многие авторы считали Кодовилью, а некоторые до сих пор идентифицируют «Луиса» как Стояна Минева. Луис Чекини утверждал, что в конференции участвовал А.Гуральский, однако архивные документы свидетельствуют: он тогда находился в Москве⁴⁴. Нет никаких документальных подтверждений участия в конференции гондурасца Хуана Пабло Уэйнрайта.

Путаница происходила и потому, что некоторые делегаты Монтевидео, выступавшие на профсоюзном конгрессе под своими именами, в буэнос-айресской конференции участвовали под псевдонимами или меняли их⁴⁵. Можно выделить как минимум две причины превращений легальных профсоюзных активистов в нелегальных партийных функционеров: нежелание ставить знак равенства между профсоюзным и партийным форумами

и полулегальные условия деятельности РСА, в отличие от полной легальности РСУ и Подготовительного комитета в Монтевидео.

В качестве участников континентального партийного форума, безусловно, следует рассматривать людей, игравших активную роль в его закулисной части, не освещенной в опубликованных партийных документах: Эджидио Дженнари, Эннио Ньюди (Орестеса), его переводчика Хорхе Паса (Луиса Ипполите Эчевери), руководителей Комитета Монтевидео Мориса Хаскина и Карлоса Духовного, работника ЮАСКИМ Хосе Каджиано, делегатов профсоюзного конгресса — коммунистов, участвовавших в переговорах с посланцами Москвы, но не попавших на конференцию: мексиканца Элиаса Барриоса, кубинцев Хосе Рего и Торреса, бразильца Косты, колумбийца Фидедигно Куэльера.

Официальные данные носили демонстрационный характер и по другим показателям. Можно, например, поставить под сомнение наличие у Октава Рабате полномочий от компартии Франции представлять ее на конференции. Получение такого мандата было чисто техническим вопросом, но он вряд ли имелся у находившегося в многомесячной командировке делегата Профинтерна в Южной Америке. Формальный момент, возможно, и не стоил бы внимания, но, выступая на конференции, он фактически высказывал личную позицию, а не точку зрения своей партии.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ

Анализ состава участников конференции позволяет поставить принципиально более важный вопрос: в какой степени ее вообще можно считать коммунистической и континентальной? В пропагандистских целях Коминтерн говорил о неуклонном росте коммунистического движения и приводившиеся выше цифры о количестве партий, участвовавших в конференции, должны были иллюстрировать эту тенденцию. Как типичную PR-акцию можно рассматривать публикацию списка представленных на конференции партий; он был составлен в виде таблицы⁴⁶. Сведения, приведенные в этой таблице, настолько расходятся с реальностью, что могло бы сложиться впечатление об абсолютном незнании составителями ситуации. В этом утверждении есть доля истины: принципы, на основе которых партии объявлялись членами III Интернационала, были настолько размыты, что и в самом ИККИ часто путались. Мы и сегодня не можем с точностью указать ни даты образования некоторых партий, ни время их присоединения к III Интернационалу, но мотивы такого вольного отношения к партийной истории тогда явно были другими: показать процесс интенсивного развития коммунистического движения континента и его интеграции во всемирную компартию. Впоследствии стали говорить о «компартиях и группах»⁴⁷, но в момент проведения конференции речь шла только о партиях, что создавало впечатление существования достаточно сильного и динамично развивающегося движения.

Точно указана дата создания РСА (1918 г.), но ни форма образования партии, ни дата вступления в Коминтерн не соответствуют действительности⁴⁸. Время приема в III Интернационал РСМ было перенесено на 1921 г., хотя ее представитель на II конгрессе Манабендра Рой был избран в

ИККИ, что свидетельствовало о признании партии национальной секцией. РСВ была основана в 1922 г., а не в 1921 г. Компартии Венесуэлы, созданной, согласно таблице, в 1927 г. и являвшейся «сочувствующей Коминтерну», не существовало в природе: были эмигрантские коммунистические группы, не провозглашавшие себя партией. Не было и компартии Боливии, действовала только небольшая группа, но в таблице говорилось о ее формировании в 1929 г. На 1927 г. были сдвинуты даты создания компартии Парагвая (с 1928 г.) и PSR (с 1926 г.). Временем официального приема РСС в Коминтерн назван 1926 г., в то время как у колумбийской, парагвайской и эквадорской компартий, признанных вместе с ней VI конгрессом секциями Интернационала, значится 1928 г. Официальной датой основания РСCh всегда считалось 2 января 1922 г., но в сведениях «La Correspondencia Sudamericana» обозначен 1921 г., а вот момент ее приема в III Интернационал передвинут на 1922 г. (очевидно, имелось в виду участие Луиса Эмилио Рекабаррена в IV конгрессе)⁴⁹. Самостоятельной партией, созданной в 1927 г., названа Коммунистическая партия Сальвадора (Partido Comunista de El Salvador, PCS), «симпатизирующая Коммунистическому Интернационалу», в то время как существовала микроскопическая сальвадорская группа в рамках Коммунистической партии Центральной Америки (Partido Comunista de Centroamérica, ПССА), считавшейся секцией III Интернационала, а PCS будет основана в 1930 г.

Для внутреннего потребления применялся другой, значительно более трезвый, подход. Анализ результатов конференции, подводившей итоги десятилетнего развития коммунистического движения на континенте, исходя из критериев, предъявляемых Коминтерном к своим национальным секциям, привел Эмбер-Дро к убийственному выводу, не встретившему возражений в аппарате ИККИ: **коммунистических партий в Латинской Америке, за исключением аргентинской, уругвайской и бразильской, нет**⁵⁰.

Если коминтерновский чиновник ставил под сомнение факт существования как компартии старейшей латиноамериканской секции III Интернационала — мексиканской, то по отношению к остальным его оценки были еще строже. Признавая только что принятую в Коминтерн PSR «массовой партией», Эмбер-Дро констатировал отсутствие в ней коммунистической группы, способной привести «социалистов-революционеров к коммунизму», отметив, что ни он, ни ЮАСКИ даже не знают, на кого из «трех элементов, представлявших партию в Буэнос-Айресе», можно опереться для формирования такой группы. По иному расценивалась ситуация в эквадорской секции: там эмиссар ИККИ видел наличие социалистической партии и «небольшую коммунистическую партию с более или менее франкмасонскими тенденциями внутри», достоинством которой Эмбер-Дро считал решительную чистку оппортунистических элементов⁵¹.

Важным успехом группы «Амаута» в Коминтерне считали лишение Виктора Рауля Айя де ла Торре базы в Перу, и эволюцию под ее влиянием части сторонников Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA) «в сторону признания необходимости организации коммунистической группы, организации пролетарской партии». В тоже время тенденция к созданию PSP как легальной ширмы компартии, воспринималась в аппарате ИККИ как путь к формиро-

ванию партии не пролетарской, а объединяющей пролетариат и мелкую буржуазию, которая неизбежно станет реформистской или анархистской⁵². Положительным моментом в деятельности сторонников Мариатеги Эмбер-Дро считал то, что в дискуссиях «они вполне искренне стоят на нашей стороне», хотя группа «еще не готова принять от нас все директивы»⁵³. Явно ключевой здесь является мысль о неготовности принять указания Москвы. Иначе никак нельзя понять утверждение об отсутствии связи с группой, ведущей работу по созданию партии и профсоюзов, участвующей в конгрессах и конференциях под эгидой Коминтерна и Профинтерна.

Как «залп поражения» были оценены попытка коммунистической группы Боливии завоевать Рабочую партию и продолжение ими своей самостоятельной деятельности. Коммунистические группы Гватемалы и Сальвадора, несмотря на свою малочисленность, уже давно числившиеся в анналах Коминтерна как самостоятельные или как РССА (с 1925 г.), приглашавшиеся на конгрессы, сотрудничавшие с РСМ и W(C)РА, были квалифицированы как идеологически и организационно слабые организации рабочих, «старającychся изучать вопросы коммунизма» и ведущих коммунистическую пропаганду в профсоюзном движении⁵⁴. Более высокую оценку получила коммунистическая группа Панамы, руководящая Лабористской партией (Partido Laborista, PL) («эти товарищи больше ориентированы, чем товарищи из Центральной Америки»), однако их делегатов Эмбер-Дро заподозрил в скрытии информации, интересующей Коминтерн, считая «не лишним съездить туда и на месте проверить их сведения»⁵⁵.

Принятая VI конгрессом в Коминтерн парагвайская партия насчитывала к моменту конференции несколько десятков членов. Ответственность за кризис в РСР коминтерновские структуры возложили на бывшего генсека Лукаса Ибарролу, «боявшегося развернуть выступление против войны» и не желавшего разговаривать с «Интернационалом из Буэнос-Айреса», а лишь с «Интернационалом Москвы»⁵⁶.

В Венесуэле, как заявил Эмбер-Дро, «мы ничего не имеем внутри страны. Мы имеем все ту же группу в Мексике, и единственным представителем Венесуэлы все еще является тов. Мартинес, который представляет партию и несуществующие профсоюзы страны». В Коминтерне явно не следовали правилу короля Лира: из ничего и будет ничего. Фантомные компартия и революционные профсоюзы Венесуэлы были представлены на VI конгрессе Коминтерна, IV конгрессе Профинтерна и в Монтевидео, а упомянутый Рикардо Мартинес даже возглавлял Латиноамериканскую секцию профсоюзного Интернационала⁵⁷.

Руководитель Латиноамериканского лендер-секретариата продемонстрировал явное непонимание расклада сил в революционном движении Венесуэлы и его направленности, заявив: «Революционная пропаганда в стране ведется элементами либеральной буржуазии, студентами, имеющими идеологию одновременно фашистскую и национал-революционную, — они берут пример с Муссолини, создавшего величие Италии, и с Сандино, боровшегося против империализма; они смешали Муссолини и Сандино в одно»⁵⁸. Эмбер-Дро отметил, что элементы, организовавшие «прыжок с Кюрасао», не поддерживают никакой связи ни с Коминтерном, ни с Венесуэльской революционной партией (Partido Revolucionario Venezolano, PRV). Эта оценка удивляет: он не мог не знать, что экспедицию возглавлял

коммунист Г.Мачадо, а ее подготовкой занималась PRV, в которой большинство руководителей входили в венесуэльскую коммунистическую группу в Мексике, поддерживавшую связи с ИККИ и информировавшую Москву об идеологии организации революционного восстания в стране, но не получившую поддержки Коминтерна⁵⁹.

Полной неожиданностью для Коминтерна стало наличие на Кубе двух коммунистических партий. Эмбер-Дро даже предположил, что нелегальная РСС имела «два не знающих друг друга ядра» и предложил послать из Мексики делегата для знакомства с обеими партиями.

Серьезный недостаток ИККИ видел в полном отсутствии коммунистического движения во французских, британских и голландских колониях на Антильских островах, а также в Доминиканской Республике и Гаити.

После эйфории «открытия Латинской Америки» на Коминтерн обрушился «холодный душ» негативной информации, приводившей к выводу: «мы не знали» о ситуации на континенте. Кто не знал — ИККИ, Эмбер-Дро, работавший на этом направлении почти десять лет? Очевидно, в Коминтерне просто не хотели отдавать себе отчет в том, что продвижение на континент не получается. Есть названия партий, которые можно приводить в победных реляциях о развитии международного коммунистического движения, есть отчеты о деятельности, позволяющие делать выводы, давать установки, и достаточно. Ведь и раньше были тревожные сигналы, исходившие от предыдущих эмиссаров (Михаила Алексеевича Комина-Александровского, Станислава Станиславовича Пестковского, Бориса Даниловича Михайлова), но они не были приняты в расчет. И хотя по каждому конкретному случаю меры были приняты, это не стало поводом для широкомасштабного анализа ситуации. Не Германия ведь и Китай, от которых зависели судьбы мировой революции... Но после VI конгресса изменилось целеполагание: теперь требовалось не столько регистрировать и помогать, сколько учреждать, реорганизовывать, строить. Понадобились решительные действия, и первая же серьезная ревизия на месте показала несоответствие реального положения дел представлениям Москвы.

Действительное состояние коммунистического движения приводило к выводу о невозможности реализации плана создания Федерации компартий Латинской Америки как системной части функционирования механизма всемирной компартии. Модель взаимоотношений Коминтерна с латиноамериканским революционным движением показала свою неэффективность, поставив под сомнение, во всяком случае, применительно к Новому Свету, саму возможность управления единой политической партией в мировом масштабе.

За десять лет ничего не изменилось в способах получения информации: она шла от самих партий, в некоторых случаях — от эмигрантских центров. Сведения, полученные от ЮАСКИ, была в значительной мере препарированы в соответствии с интересами ее работников и восприятием ими проблем. Стоило впервые встретиться с латиноамериканскими делегатами на их территории, как изменились оценки. Одной из причин было рассмотрение проблем революционного движения континента вне коминтерновской текучки, вне комплекса проблем всех партий III Интернационала, всех латинских стран. Проблемы на месте стали выглядеть масштабнее, а механизм их решения — ничтожным. Поездка в Новый Свет стала шоком и

лично для Эмбера-Дро, отвечавшего теперь только за Латинскую Америку. Ему было крайне необходимо показать результативность своей деятельности именно здесь. В этой ситуации он счел за благо обрисовать реальную картину, какой бы удручающей она ни была. Тем более впечатляющими были бы успехи, на которые он рассчитывал в результате применения разработанной им после Буэнос-Айреса развернутой программы действий.

Приезд делегатов континентальных встреч был связан с серьезными трудностями различного свойства. Крайне жестким стал лимит отпущенных организаторами средств. Мексиканские и кубинские делегаты, например, получили суммы, достаточные для приобретения билетов во второй класс, после чего у них осталось по десять долларов на дорожные расходы, которых, по воспоминаниям Элиаса Барриоса, еле хватало на сигареты во время морского путешествия через Нью-Йорк, Гавану и Рио-де-Жанейро. Облегчило их положение то, что во время пребывания в Нью-Йорке они бесплатно питались в кооперативной столовой компартии и получили от американских товарищей дополнительно по 15 долларов. Другой сложностью были отношения с иммиграционными службами и полицией. Во время остановки в Гаване существовала опасность задержания в ходе осмотра судна в поисках «зайцев» — кубинцев Сандалио Хунко и Алехандро Баррейро, числившихся в «черных списках» мачадовского режима. В Нью-Йорке делегаты столкнулись с проблемой иного порядка: для въезда в США требовалось иметь не менее 50 долл. Иммиграционный чиновник поверил на слово путешественникам, утверждавшим, что у них такая сумма есть, иначе им пришлось бы провести неделю на Эллис-Айленд без права высадки в порту. Серьезным плюсом длительного путешествия была возможность общаться между собой для обсуждения вопросов предстоящего профсоюзного конгресса, которая расширилась после присоединения к ним в Рио-де-Жанейро венесуэльца Рикардо Мартинеса и американца Исаяи Хоукинса. Во время пребывания в Монтевидео и Буэнос-Айресе все расходы делегатов оплачивали Подготовительный Комитет профсоюзного конгресса, а для делегатов Первой конференции — частично ЮАСКИ, исходившие из режима жесткой экономии⁶⁰.

По воспоминаниям Луиса Чекини, в 1929 г. возглавлявшего районный комитет РСА г. Авельянеды, конференция проходила открыто в помещении этого райкома (кормили делегатов здесь же). Жили делегаты и гости в городских гостиницах. Учитывая полулегальное положение РСА, принимались меры предосторожности по сохранению инкогнито посланцев Москвы и делегатов нелегальных партий. Во второй половине дня численность участников резко увеличивалась: после окончания рабочего дня к делегатам и гостям присоединялись работники РСА. Это превращало конференцию в своеобразную школу партийного актива⁶¹.

Задачами проведения профсоюзной и партийной встреч в максимально сближенные сроки и в максимально близких пунктах были экономия средств и аккумуляция организационных возможностей ЮАСКИ, РСА, PCU и Подготовительного комитета Монтевидео. У этого подхода были свои очевидные достоинства и явные недостатки. Важнейшим недостатком следует признать необходимость для партий включить в делегации на профсоюзный конгресс деятелей рабочего движения, не игравших ведущей роли (за редким исключением) в партийном руководстве, не являв-

шихся теоретиками и партийными организаторами, что вело к ослаблению теоретического уровня континентального коммунистического форума.

Серьезной трудностью в организации работы конференции стал персональный вопрос В. Кодовильи. Профинтерн настаивал на исключении возможности *открытого выступления* ЮАСКИ на профсоюзном конгрессе и появления там лично Кодовильи. Обсуждение всех важнейших вопросов с коммунистами, участвовавшими в конгрессе, и определение тактики в рамках подробнейших инструкций, разработанных самим Лозовским, было поручено «товарищу М.» [Морису Хаскину]⁶². Политсекретариат ИККИ согласился с этим мнением, запретив Кодовилье «и показываться в Монтевидео». Его авторитарный характер создавал серьезные проблемы для Коминтерна и Профинтерна. Сложная комбинация, связанная с желанием привлечь представителей разных течений в рабочем и антиимпериалистическом движении, начавшаяся во время празднования 10-летия Октября, в построении которой участвовал и сам аргентинский коммунист, могла рухнуть. В Москве боялись, что присутствие секретаря ЮАСКИ на конгрессе вызовет отрицательную реакцию у некоммунистических делегатов, так как покажет им подчиненность создаваемого континентального профцентра Коминтерну, опасались и отрицательного влияния секретаря ЮАСКИ на деликатный процесс сближения латиноамериканских профсоюзов. Ни в ИККИ, ни в латиноамериканском профсоюзном движении не забыли «дела Рафаэля Греко», высланного из Москвы во время празднования 10-летия Октябрьской революции по настоянию Кодовильи, и руководители Коминтерна прогнозировали возможность прямого столкновения по этому вопросу в Монтевидео⁶³.

Это решение спровоцировало заявление Кодовильи об отставке перед самым открытием конгресса. Делегация ИККИ и Профинтерна, понимая трудности, возникающие в связи с этим, телеграфом попросила отменить этот вердикт. Бюрократическая машина Коминтерна работала медленно. Ответ, предоставлявший окончательное решение делегации, был получен уже после конгресса (!). Московские делегаты на свой страх и риск отменили запрет. Кодовилья приехал в Монтевидео для участия в переговорах с делегатами-коммунистами, но продолжал настаивать на своем уходе, утверждая, что решение Политсекретариата свидетельствует об отсутствии доверия к нему Москвы. Была ли эта позиция Кодовильи искренней реакцией на нанесенную ему обиду или хорошо продуманным ходом опытного аппаратчика, рассчитывавшего на подтверждение своих полномочий в экстраординарных условиях проведения двух важнейших мероприятий Коминтерна и Профинтерна? В любом случае Кодовилья оказался в выигрыше: на совещании членов ЮАСКИ и представителей Москвы было решено сохранить его на посту в Секретариате.

Тем не менее Эмбер-Дро пришел к выводу о невозможности обеспечить в ЮАСКИ статус-кво, заявив: «совершенно очевидно, что Кодовилья не может один представлять собой Южноамериканский секретариат в условиях расширения работы в политическом и техническом отношении, превращения Секретариата в «более живой и полный орган». Московский эмиссар признал: делегат Коминтерна в ЮАСКИ Дженнари «политически активный работник», но «не является движущей силой» Секретариата; Р. Гиольди не может работать из-за болезни; Э. Гомес приезжает время от вре-

мени и занимается главным образом вопросами Уругвая; А. Перейра тоже не находится там постоянно⁶⁴.

Казус Кодовильи позволил увидеть важную вещь: усилия по реорганизации ЮАСКИ не превратили его в эффективно действующую структуру, способную решать задачи по руководству коммунистическим движением. В связи с этим перед ИККИ вставал вопрос о самом срочном укреплении Секретариата кадрами.

Борьба идей и личных амбиций, начавшаяся еще по дороге в Буэнос-Айрес, во время подготовки к континентальному коммунистическому форуму, с новой силой вспыхнула на самой конференции. И у нее была видимая сторона, подробно описанная в литературе, и подводная часть, до последнего времени недоступная исследователям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ B. Goldenberg. *Kommunismus in Lateinamerika*. Stuttgart, 1971; Н.П. Калмыков. Коминтерн и коммунистическое движение в Латинской Америке. — История Коммунистического Интернационала 1919—1943. Док. очерки. М., 2002; J. M o t h e s. *Zur Lateinamerika-Politik der Komintern*. Berlin, 2010.

² Подробные биографические сведения об упомянутых в статье персонажах см.: L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. *La Internacional Comunista y América Latina, 1919—1943*. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004.

³ П.Г о н с а л е с А л ь б е р д и. 40-летие Первой конференции коммунистов Латинской Америки. — Проблемы мира и социализма, 1969, № 6, с. 78.

⁴ Э.М.П а в л о в. Идейное сотрудничество марксистов-ленинцев. Ленинград, 1971, с. 22.

⁵ Письмо Латинского Секретариата ИККИ ЮАСКИ 30 апреля 1928 г. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 32, д. 35, л. 9.

⁶ Принято Малой Комиссией ИККИ 25 апреля и подтверждено постановлением Политсекретариата 27 апреля 1928 г. — Протокол № 80 заседания Политсекретариата. 27 апреля 1928 г. — Там же, оп. 3, д. 64, л. 28.

⁷ Стенограмма учредительного заседания ЮАСКИ 29-30 июня и 1-2 июля 1928 г. — РГАСПИ. Ф. 503, оп. 1, д. 21, л. 36—37; циркуляр ЮАСКИ Рабочей (Коммунистической) партии Америки. Ноябрь 1928 г. — РГАСПИ, Ф. 503, оп. 1, д. 23, л. 11.

⁸ Письмо секретаря ЮАСКИ В.Кодовильи в Латинский Секретариат Коминтерна. Буэнос-Айрес, 5 сентября 1928 г. — Там же, д. 19, л. 36; *La Correspondencia Sudamericana* (Buenos Aires), 1928, N 6, p. 45.

⁹ Ibid., 1929, N 7.

¹⁰ Доклад ЮАСКИ Латинскому Секретариату ИККИ 19 ноября 1928 г. — РГАСПИ. Ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 54; письмо В.Кодовильи в Латинский Секретариат ИККИ 20 ноября 1928 г. — Там же, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 82.

¹¹ Протокол № 19 заседания ЮАСКИ 13 марта 1929 г. — Там же, ф. 503, оп. 1, д. 27, л. 16.

¹² «Международное положение, опасность войны и страны Латинской Америки» (докладчик Кодовилья); «Антиимпериалистическая борьба и проблемы тактики партий Латинской Америки» (докладчик Р.Гиольди, содокладчики из Мексики, Колумбии и Чили); «Крестьянский вопрос» (докладчик из Мексики, содокладчики из Бразилии, Аргентины (П.Ромо) и Эквадора (Р.Паредес); «Проблема рас в Латинской Америке» (докладчик Х. К.Мариатеги, содокладчики из Бразилии (О.Брандао) и Кубы); «Работа Антиимпериалистической лиги» (докладчик из Мексики, содокладчик аргентинец П. Гонсалес Альберди); «Профсоюзный вопрос» (докладчик Э. Гомес (КПУ), содокладчики из Чили, Аргентины (М.Контрерас) и Мексики); «Движение коммунистической молодежи» (докладчик О.Гиольди, содокладчики из Мексики и Уругвая); «Вопросы организации» (докладчик бразилец Кассини), содокладчики из Аргентины (Муньос), Мексики и Чили); «Работа Южноамериканского секретариата» (докладчик Кодовилья). — Протокол №19 заседания ЮАСКИ 13 марта 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 503, оп. 1, д. 27, л. 16—17.

¹³ Там же, л.17; Протокол № 25 заседания Политсекретариата. 1 марта 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 3, д. 123, л. 5—5а. В дискуссии участвовали: А.Лозовский, С.Минев, Вильямс

(Б.Михайлов), М.Горкич и Р.Хитаров от КИМа, представитель W (C)РА Б.Вольф, заворгот-делом ИККИ Б.Васильев.

¹⁴ La I Conferencia comunista Latinoamericana. — La Correspondencia Sudamericana, 1928, (18 de diciembre), N 6, p. 45.

¹⁵ Беседа с делегатами Мексики. 11 июня 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 27.

¹⁶ В Аргентине действовали параллельно две Антиимпериалистические лиги: одну контролировала РСА, другую — Коммунистическая рабочая партия Аргентины, левая группировка, отколовшаяся от РСА, издававшая газету «Chispa» («Искра»).

¹⁷ Там же, л. 29.

¹⁸ В Коминтерне опасались провокаций со стороны анархо-синдикалистов, принимавших участие в работе Подготовительного комитета Монтевидео, но планировавших провести до начала профинтерновской конференции свою с целью усилить свое влияние на конференции в Монтевидео», или «если это не получится, чтобы устроить скандал». — Заявление Ж.Эмбер-Дро в Малую Комиссию Секретариата [ИККИ]. Москва, 11 марта 1929. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 63, л. 7.

¹⁹ Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 марта 1929 г. — Там же, ф. 17, оп. 162, д. 7, л. 52; протокол заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 7.3.29 № 67. — Там же, оп. 3, д. 729, л. 7; протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 21.III. 1929 г. — Там же, д. 730, л. 3; протокол № 68 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 14.3. 1929 г. — Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919—1952. Каталог. Том 1. 1919—1929. М., 2000, с. 673, 731.

²⁰ При этом вскоре Политбюро разрешило Лозовскому поездку в Чехословакию.

²¹ Письмо М. [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому]. 27 марта 1929 г. — Там же. Ф. 534, оп. 4, д. 292, л. 52.

²² Письмо руководителя Латиноамериканской секции Профинтерна Р.Мартинеса, секретаря Леона [Хайкиса] Орестесу [Ньюди] и Сикейросу. 14 февраля 1929 г. — Там же, оп. 6, д. 105, л. 155—156.

На конгрессе в Буэнос-Айресе (11—19 мая 1929 г.) анархо-синдикалисты создали Американскую континентальную ассоциацию трудящихся, секцию Международной Ассоциации трудящихся (Берлинского Интернационала). — В. Д а м ь е. Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001, с. 40—42; е г о ж е. Забытый Интернационал. М., 2006, с. 558—562.

²³ Письмо Мориса [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому]. — РГАСПИ. Ф. 534, оп. 4, д. 292, л. 10-10об; письмо М. [Хаскина] дорогому дяде [Лозовскому]. 30 января 1929 г. — Там же, л. 15.

²⁴ Письмо дорогому племяннику [Хаскину]. 8 марта 1929 года. — Там же, д. 292, л. 40; письмо Александра [Лозовского] Антону [Майеру?]. 7-го марта 1929 г. — Там же, д. 241, л. 32—33.

²⁵ Эмбер-Дро имел в виду возможность заменить в качестве представителя ИККИ в ЮАСКИ Э. Дженнари, которого предполагалось отозвать в СССР еще в начале года. Тогда удалось отменить это совершенно несвоевременное, учитывая подготовку конференций в Монтевидео и Буэнос-Айресе и продолжавшийся кризис в РСА, решение. — Записка Ж. Эмбер-Дро в Малую Комиссию. Москва, 12 января 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 79, д. 63, л. 2.

²⁶ Заявление Ж. Эмбер-Дро в Малую Комиссию Секретариата [ИККИ]. Москва, 11 марта 1929. — Там же, л. 8—9.

²⁷ Письмо Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ Южноамериканскому бюро. Москва, 11 марта 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 6.

²⁸ Письмо дяди [Лозовского] племяннику [Хаскину]. Берлин, 30 марта 1929 г. — Там же, ф. 534, оп. 4, д. 292, л. 54.

²⁹ J. H u m b e r t - D r o z. De Lénine á Staline. Dix ans au service de l'Internationale communiste (1921—1931). Neuchatel, 1971, p. 379.

³⁰ Протокол № 30 заседания Политсекретариата. 5 апреля 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 3, д. 133, л. 3.

³¹ J. H u m b e r t - D r o z. Op. cit., p. 380. Возможно, опасения Эмбера-Дро были не беспочвенны, судя по той скорости, с которой Михайлов приступил к работе на новом месте: уже в день заседания Политсекретариата, принявшего решение об его назначении. Отметим некоторую двусмысленность положения Михайлова в аппарате ИККИ, сохранявшуюся после поездки в Южную Америку в 1926—1927 гг. Ему никак не могли найти работу, соответствующую его опыту и возможностям: первоначально назначили представителем ИККИ

при ЦК КП Югославии, но вскоре перевели на должность заместителя заведующего секцией Ближнего Востока Восточного секретариата. Михайлов просил пересмотреть это решение, ссылаясь на незнание проблем региона и считая, что мог бы быть более целесообразно использован на другом направлении. Политсекретариат эту просьбу отклонил, оставив «вопрос использования товарища Вильямса в других Лендер-секретариатах открытым». — Протокол заседания Латиноамериканского лендер-секретариата 5 апреля 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 79, д. 51, л. 9; протокол заседания Политсекретариата от 26 апреля 1927 г. — Там же, оп. 3, д. 64, л. 356; заявление Вильямса в Политсекретариат. 1 ноября 1928 г. — Там же, д. 88, л. 36; протокол заседания Политсекретариата. 2 ноября 1928 г. — Там же, л. 2.

³² Трудно согласиться с мнением английских исследователей К.Макдермотта и Д.Агню о смене Эмбером-Дро «московских коридоров власти на более спокойные прерии Латинской Америки». — К.М а к д е р м о т т, Д.А г н ю. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000, с. 102.

Более спокойной работу в Латинской Америке можно считать, только исходя из ее отдаленности от Москвы. Проблемы предстояло решать сложные. Ответственность Дро за это направление деятельности не уменьшалась. Увеличение дистанции от Сталина не спасало от запланированного вождем большевиков наказания за своемыслие, а только оттягивало его. Из высшей иерархии коминтерновской власти швейцарец формально удален не был, а вероятность столкнуться со Сталиным в коридорах ИККИ была значительно меньше возможности вождя большевистской партии наткнуться на фамилию Эмбера-Дро в документах.

Работа в Латинской Америке по-своему привлекала деятелей Коминтерна, оказавшихся в оппозиции к «генеральной линии» (или причисленных к ней). Так, например, лидер W(C)РА Дж. Ловстон, дезавуируя свое заявление о «неподчинении» резолюции Президиума ИККИ об американской компартии, просил направить его на заграничную работу, назвав среди выбранных им приоритетов Индию и Латинскую Америку. Понимая невозможность назначения на ответственную работу ни в Москве, ни в США, он предпочел эти регионы, поскольку видел там возможность восстановить свое реноме и вернуться к кормилу власти в Коминтерне или его американской секции. В Латинской Америке более логичным казалось бы желание поехать в знакомую ему Мексику. Но в столь близкую к США страну его не послали бы никогда, опасаясь того, что здесь будут благоприятные условия для продолжения фракционной деятельности.

³³ Письмо Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ Южноамериканскому бюро. Москва, 11 марта 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 6; протокол № 19. Заседание Южноамериканского Секретариата, проведенное 13 марта 1929 г. — Там же, ф. 503, оп. 1, д. 27, л. 16.

³⁴ В ЮАСКИ в тот момент искренне считали Мариатеги *«единственным человеком»* (выделено авторами. — В.Х.,Л.Х.), в силу глубоких исследований, проведенных по (расовой проблеме в Латинской Америке), в силу серьезных знаний, которыми он обладает, способным сделать хороший доклад, что даст нам прочную базу для развития нашей тактики». Другой фундаментальной проблемой, экспертами в которой ЮАСКИ считал группу «Амаута», был антиимпериалистический вопрос: революционная программа единого антиимпериалистического фронта; позиция коммунистов в отношении непролетарских социальных слоев; организация крупного антиимпериалистического движения масс. Опыт Перу, где сложилась традиция антиимпериалистического движения, по мнению Кодовильи, мог быть весьма полезен для ознакомления с ним участников конференции. Подчеркивая «абсолютную необходимость» участия Мариатеги и (или) Р.Мартинеса де ла Торре в конференции, он считал, что перуанцы могут рассчитывать на финансовую помощь. — Письмо В.Кодовильи Р.Мартинесу де ла Торре. Буэнос-Айрес, 29 марта 1929 г. — Там же, ф. 495, оп. 118, д. 6, л. 9—10.

³⁵ П.Г о н с а л е с А л ь б е р д и. 30-летие Первой конференции коммунистов Латинской Америки. — Проблемы мира и социализма, 1959, № 6, с. 59.

³⁶ M.T.U r i b e. Los años escondidos. Sueños y rebeldías en la década del veinte. Bogotá, 1994, p. 274.

³⁷ Informe sobre el Primero de Mayo y el Congreso de Montevideo. Habana 15 de mayo de 1929. — Там же, л. 47—50. Член Центрального Совета Профинтерна А.Баррейро и кандидат в члены ЦС С.Хунко, активно участвовавшие в подготовке профсоюзного конгресса, все-таки выехали в Монтевидео, а затем представляли РСС в Буэнос-Айресе. После вмешательства делегата Профинтерна Э.Ньюди и его переводчика И.Эчевере, остановившихся в Гаване по дороге в Монтевидео, партия направила для участия в континентальных форумах

Хосе Пе́ро Лопеса («Ра́миро Рами́реса»). После возвращения на Кубу он был арестован и помещен на судно «Максимо Гомес» для депортации в Испанию. — См.: A. R o j a s B l a q u i e r. Primer Partido Comunista de Cuba. Sus tácticas y estrategias. 1925—1935. Tomo I. Santiago de Cuba, 2005, p. 96—97.

³⁸ В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эского. — Латинская Америка, 2011, № 4, с. 60—83.

³⁹ Письмо Э.Терана и Х.Ф.Каролиса Ж. Эмберу-Дро. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 67, д. 8, л. 45.

⁴⁰ ЮАСКИ сообщил PSE о созыве обоих форумов, назначении представителя Эквадора содокладчиком по крестьянскому вопросу на конференции компартий и предложил включить в делегацию, направляющуюся в Монтевидео членов ЦК, которые потом поехали бы в Буэнос-Айрес. Реально же не был решен главный вопрос — финансирование. Профинтерн направил деньги для организации поездки эквадорцев, но их не хватило на оплату всех предполагавшихся делегатов. — Письмо ЮАСКИ Центральному комитету КПЭ. 28 марта 1929 г. — Там же, л. 9; письмо Р.Паредеса генеральному секретарю Латиноамериканского профсоюзного Секретариата. Гуаякиль, 2 мая 1929 г. — Там же, д. 10, л. 14; письмо Р.Паредеса генеральному секретарю Латинской секции Коминтерна. 10 августа 1928 г. — Там же, д. 8, л. 57.

⁴¹ Беседа с делегатами Перу. 30 мая 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 118, д. 10, л. 16.

⁴² Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о I конференции коммунистических партий Латинской Америки, 12 июля 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 53, л. 61—87. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка... с. 116. Отчеты делегатов партий часто выражали их собственную позицию, обусловленную участием во внутрипартийной борьбе.

⁴³ La Correspondencia Sudamericana., 1929, N 15, p. 24.

⁴⁴ R. S i m e ó n. Páginas del movimiento sindical cubano. — Revista Digital Consenso, http://www.consenso.org/articulos/06_01.shtml; письмо Л.Чекини Л.С.Хейфецу. Москва, 10 февраля 1978 г. — Из личного архива Л.С.Хейфеца.

⁴⁵ Псевдонимы выбирались произвольно, они не были связаны с предыдущей деятельностью, документами и т.д. Х.Портокарьеро вспоминал: «У меня спросили, под каким именем я собираюсь участвовать. Я назвал имя Самора. В нем не была заложена какая-то идея. Я знал вратаря «Real Madrid» Самору, игра которого была замечена и вызвала большой энтузиазм у лимской публики». — J. P o r t o c a r r e r o. Sindicalismo peruano. Primera etapa. 1911—1930, S.l., 1987, p. 177—178.

⁴⁶ La Correspondencia Sudamericana, 1929, N 15, p. 24.

⁴⁷ Характеризуя коммунистические организации, представленные на конференции, П. Гонсалес Альберди отмечал, что часть из них нельзя было рассматривать как таковые ввиду организационной структуры, идеологических постулатов, а некоторые и вовсе ограничивались профсоюзной работой. — П. Г о н с а л е с А л ь б е р д и. Указ. соч., с. 78.

⁴⁸ В списке сказано, что она была образована в 1918 г. «как левое крыло СПА», в то время как это был момент выхода левой группы из СПА и провозглашения Интернациональной социалистической партии. РСА была признана секцией III Интернационала только в августе 1921 г., а в списке указан 1919 г.

⁴⁹ Точной даты официального признания РСCh секцией Коминтерна нет, но в литературе называется 1927 г. или 1928 г. — Э. Н е к о ч е а Р а м и р е с. Зарождение и развитие Коммунистической партии Чили. Очерк социальной и политической истории Чили. М., 1984, с. 180.

⁵⁰ В ответ на реплику Б.Васильева, причислившего к ним РСМ, глава Латиноамериканского лендер-секретариата категорически ответил: «Нет! В Мексике мы не имеем коммунистической партии. Мы там имеем рабоче-крестьянскую партию, мы там имеем все что угодно, только не коммунистическую партию. Если мы возьмем Мексику и Центральную Америку, северную часть Южно-Американского континента, то мы можем прямо сказать, что мы там не имеем коммунистических партий». — Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро... — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка..., с. 106.

⁵¹ Там же, с. 108—109.

⁵² Странники Мариатеги считали такой путь необходимым для избежания репрессий и подготовки широких масс к восприятию марксистских идей, привлечения интеллектуальных элементов, не готовых вступить в компартию.

⁵³ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро... — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка..., с. 109—110.

⁵⁴ A. Tarasena Arriola. El primer Partido Comunista de Guatemala (1922—1932). Diez años de una historia nacional olvidada. — Araucaria de Chile, 1984, N 27, p. 78; стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро... — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка..., с. 117.

⁵⁵ Там же, с. 118.

⁵⁶ Там же, с. 119.

⁵⁷ Там же, с. 123. Б.Гольденберг образно назвал Р.Мартинеса, представлявшего Венесуэлу на всех этих форумах, «профессиональным венесуэльцем».

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Подробнее см.: В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Предтечи. Размышления о предыстории Коммунистической партии Венесуэлы. — Латинская Америка, 2012, № 13, с. 44—61; В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. «Прыжок с Кюрасао» и ликвидация Венесуэльской революционной партии. — Латинская Америка, 2012, № 7.

⁶⁰ E. Vargas. El escuadrón de hierro. México, 1978, p. 151—154.

⁶¹ Письмо Л.Чекини Л.С.Хейфецу. Москва, 5 июля 1982 г. — Из личного архива Л.С.Хейфеца. Перуанский делегат Х.Портокарьеро, не знавший подробностей подготовки конференции, предполагал, что она проходила в помещении ЮАСКИ. — J. Portocarrero. Op. cit, p. 178.

⁶² А.Лозовский. Проект инструкции к съезду профсоюзов Латинской Америки, [не позднее 20 марта 1929 г.]. — РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 79, л. 37—42. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка..., с. 88.

⁶³ Аргентинский профсоюз металлистов направил на конгресс делегацию во главе с Греко, по оценке представителя Профинтерна, «хорошо подобранную, политически грамотную, с большой сметкой и сноровкой», в то время как «наши ребята оказались слабыми, неумелыми. Как их не натаскивали, они не раз все делали наыворот. Объективная трудность заключалась в том, чтобы не дезавуировать партию, делавшую в прошлом столько ошибок в профработе, не дать «Чиспа» [отколовшаяся от РСА группа, издававшая газету «Chispa». — В.Х., Л.Х.] и самому Греко отыгаться на единстве в Монтевидео, к чему были направлены все его старания». В сложной игре по аргентинскому вопросу, докладывал в Москву Л. Геллер, «нашей основной линией было отвести вопрос о личности Греко, обеспечить в вопросе единства сотрудничество союза металлистов и создать в УСА и СОА благоприятные условия для нашей работы». Только вмешательство в партию, в которой даже многоопытный московский профсоюзный функционер «не всегда улавливал значение того или другого шахматного хода», «другого дяди [Ж. Эмбера-Дро], с которым по аргентинскому вопросу легко было столкнуться» и который «нажимал на здешнего «диктатора» [Кодовилью], позволило добиться удовлетворительного результата. — Письмо Альберта [Геллера] Александру [Лозовскому]. Монтевидео, 31 мая 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 534, оп. 4, д. 292, л. 158.

⁶⁴ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро... с. 125—126.